

ПИСЬМО В ДЕТСТВО САМОМУ СЕБЕ

*(по мотивам рассказа В.Г. Распутина
«Уроки французского»)*

Здравствуй, Валя!

Пишет тебе Валентин Григорьевич. Думаю, что я не ошибусь, предположив, что сейчас, сидя на уроке французского в школе райцентра, ты по-прежнему безуспешно пытаешься одолеть неподвластное и чуждое тебе произношение. И одновременно думаешь о том, как бы так изловчиться, чтобы и денег на молоко выиграть в «чику», и не заиграться так, чтобы нарваться на гнев мальчишек, не любящих таких ловкачей, как ты. А может быть, предположение об уроке французского всё-таки ошибочно, и прямо сейчас ты уже находишься на рынке и покупаешь молоко в мороженных кружках на свой небольшой выигрыш – только теперь уже в несколько иную игру. Ты осторожно срезаешь с кружка сливки в виде ледяных кусочков, и когда они попадают в рот, ты испытываешь непередаваемое удовольствие, от которого ощущается приятная дрожь.

Но вполне вероятно, что сейчас, читая это письмо, ты находишься вовсе не на школьных занятиях, а в небольшой, скудной библиотеке в своей родной деревне. Вокруг тебя возвышаются горы томов и томиков, книг и книжечек, фолиантов и брошюрок (и как ты умудрился выстроить эти «башенки» из скромных библиотечных запасов?) В «стенах» этой книжной «крепости», за всеми этими «баррикадами» ты чувствуешь себя в безопасности. И в своей стихии. И никуда идти совершенно не хочется. И вообще, ты уже далеко за пределами мира реального: тебя от него отделяют вот эти самые «баррикады», пахнущие многолетней библиотечной пылью. А нас с тобой сейчас разделяют не просто баррикады (прожитых лет, накопленного опыта), а рубеж двух веков! И в моём веке, который кажется тебе ещё таким далёким, запах этой самой пыли практически растворится в воздухе, насыщенном мегабайтами и гигабайтами информации, пе-

редаваемой с одного электронного устройства на другое. И ты будешь отчаянно ностальгировать по этому запаху живой жизни, который источают перелистываемые тобой страницы. Так что надышись сейчас ароматом живых книг вдоволь!

Или, возможно, в данный момент ты находишься в небольшой аккуратной комнатке. Сидишь, уткнувшись в учебник со всё никак не поддающимися тебе чужеродными буквосочетаниями (и зачем так много букв означают всего лишь один мудрёный звук?), краснея и бледнея. Но краснеешь и бледнеешь ты не потому, что тебе стыдно за своё непонимание, а потому, что тебе неловко быть объектом Её внимания: внимания Той, которая владеет тайнами непостижимого французского языка, неподвластного простым смертным – невероятной, необыкновенной Лидии Михайловны. А ведь это гораздо более приятная неловкость, чем тот стыд или даже гнев, который ты испытываешь, замечая, что она подыгрывает тебе в «замеряшки». Но даже эта весьма неприятная эмоция не сравнится по своей силе с тем облегчением, которое ты ощущаешь, поняв, что она всё же, как настоящий игрок, начала наконец-то «жульничать», правда ведь?

Хотя сейчас, именно сейчас всё-таки наиболее ярко мне представляется тот момент, когда ты вскрываешь ту самую посылку с трубочками макарон. Твоё первоначальное недоумение видится и ощущается так явственно, что мне кажется, будто я прямо сейчас снова впадаю в то состояние детской прямоты и непосредственности, – состояние, которому, несмотря на все тяготы и лишения того времени, было присуще одно очень важное свойство: способность удивляться и... быть благодарным, хоть поначалу эта благодарность пряталась очень глубоко, внешне принимая форму неприступности и гордыни. Но и наружная гордыня, и внутренняя благодарность – обе были одинаково неподдельными. Вот я вижу сейчас, как ты, искренне негодуя, возвращаешь посылку Лидии Михайловне, а она так неумело притворяется, будто ничего о ней не знает. И точно с таким же негодованием она говорит мне, что у неё «всё есть» и ей «всего достаточно», когда я (её значительно повзрослевший, а то и постаревший нерадивый, но усердный ученик Валя), разыскав её в доме престарелых, приношу ей пакет фруктов и сладостей. А я всё равно тай-

ком передаю всё это работникам приюта, чтобы они потом как-нибудь незаметно...

Люди, живущие в моих воспоминаниях, останутся там навеки. Люди из страны твоего и моего детства, Валя. Многих уже нет на этом свете, но там, в краю воспоминаний, они по-прежнему живы. Это совершенно особенные люди. Ведь они на самом деле птицы. Птицы с хрупким оперением, которым негде приземлиться. Участь их – вечно парить между очевидным и невероятным, смертным и вечным, ложным и истинным... парить и не иметь возможности коснуться крылами ни одного, ни другого. Это птицы, которые на самом деле люди – люди, вечно едущие в поезде, которому не суждено ни вылететь из пункта А, ни прилететь в пункт Б.

Там, в краю моих воспоминаний, они всегда принимают меня, как долгожданного гостя. И тут же в моём распоряжении оказывается не одна-единственная гостевая комнатка, а огромное количество комнат, поражающих многообразием и пестротой своего содержимого. Стоит лишь приоткрыть ту или иную дверь – как притаившиеся за нею уют и тепло тут же принимают меня в свои объятия с трогательным гостеприимством. И у меня сразу возникает ощущение, что меня тут уже давно ждут. Всегда ждут.

В этом доме, в этих комнатах обитают птицеподобные люди. Или человекообразные птицы. Разноцветные и монохромные. Сладкоголосые и молчаливые. Стайные и одинокие. Бесстрашно-сильные и немощные, с обломанными судьбой и обстоятельствами крыльями. Кому-то из них я сопереживаю и сочувствую. Кто-то вызывает у меня желание добродушно его пожурить, кто-то – жалость, кто-то – непонимание и недоумение, а иные – восхищение и восторг. Но за любой дверью и с любым из них я чувствую себя желанным гостем. Да что уж там – родным человеком.

А теперь я хотел бы тебя, Валя, кое о чём попросить. Я очень отчётливо представляю... вернее, точно знаю... вернее, до сих пор помню, что всё, что происходит с тобой в школьной Вселенной райцентра, ставшей для тебя в какой-то момент настоящим полем боя (битвы с французским проносом, а также – борьбы за существование), видится тебе

стремительно вращающимся калейдоскопом. И я сейчас, в это самое мгновение, не с высоты своего опыта, а на волне ностальгии хочу тебя попросить об одном: цени эти мгновения. Запомни эти молниеносно сменяющие друг друга узоры калейдоскопа: моменты твоей школьной жизни, игру с мальчишками в «чику» и, конечно, уроки французского с Лидией Михайловной, а также, безусловно, посылку с красными кубанскими яблоками. И не только потому, что «не повторяется такое никогда», а потому, что всё это не зря! Теперь я это точно знаю. Даже кажущаяся тебе полнейшей нелепостью и случайностью твоя роль нерадивого ученика, пытающегося одолеть французские дифтонги и трифтонги. Этот опыт тоже бесценен. Потому что он, как и любой опыт проб и ошибок, осветит тебе правильный путь – твой путь. Можешь поверить мне на слово. Поэтому не пренебрегай всем этим, ведь эти тонкие ручейки событий впадают в реки возможностей, а те, в свою очередь, – в море ценного опыта и воспоминаний. Которые будут так дороги тебе. Которые сейчас так дороги мне.

Твоё послешкольное и повзрослевшее «я»

ПУТЬ К ШЕДЕВРУ

Сегодня нашёл ещё один – такое ощущение, будто они меня поджидают в самых неожиданных и, в то же время, в самых предсказуемых местах. Помню, первый подмигнул мне преломившимся в нём солнечным лучом, когда я, наступив на него случайно и услышав хруст (а потом – скрежет стекла об асфальт), отступил на полшага, чтобы разглядеть источник этой «музыки». Он раскололся на три почти равновеликих осколка. Осколок раскололся на осколки – занятная сентенция. И я, даже памятуя обо всех суеверных предостережениях относительно разбитых зеркал, поднял один из них и начал рассматривать, осторожно перекладывая с ладони на ладонь. Пытался ли я заглянуть в него и увидеть в нём своё отражение? Едва ли. И вовсе не из суеверного страха. А из осознания бессмысленности этого действия. Ну что можно увидеть в треснувшем осколке? Фрагменты фрагмента собственного

лица, которые не стыкуются друг с другом? Карикатуру на самого себя? Или, может, мной руководил всё-таки какой-то неосознаваемый инстинкт самосохранения? Не знаю. Ещё меньше известно мне о том, какими соображениями я руководствовался, когда клал этот осколок в карман куртки. А потом... потом началась история.

Кто-то может недоумевать: а что во всём этом диковинного? Время от времени находить разрозненные осколки совершенно разных и никак не связанных между собой, не имеющих никакой общей истории зеркал... Поднимать их, а потом рассматривать со всех сторон, наблюдать за игрой светотеней, возникающей вследствие их же преломления в зазеркалье и предзеркалье... Нет, всё-таки их связывает некая история. История, которую я создаю, нанизывая историю нахождения (то есть появления в моей жизни) каждого осколка на нить совершенно уникальной, неповторимой истории – моей истории: истории создания нового уникального зеркала, в котором... А теперь, пожалуй, стоит вернуться к началу.

Сначала все они мне случайно попадались на глаза. Первый, второй, третий... А потом (начиная с четвёртого, кажется) я стал сам творить эту случайность: неслучайную случайность. Начал с подножки мальчику в узком проулке. Лёгкой такой и совсем безболезненной: недостаточной для падения, но достаточной для того, чтобы он выронил зеркальце – генератор солнечных зайчиков. Выронил, встрепнулся от неожиданности, как маленькая пугливая птаха, – и упорхнул. А я начал рассматривать то, во что превратилось зеркальце: россыпь больших-средних-мелких-мельчайших осколков. Выбрал из них наиболее эстетически привлекательный, поднял его двумя пальцами с пыльной поверхности едва согретого весенним солнцем асфальта, и, воровато оглядываясь по сторонам, устремился к выходу из проулка почти бегом.

Через несколько месяцев красное платье, отражённое в трюмо, разлетелось вдребезги прямо у меня на глазах. Повлиял ли я и на это событие? Была ли и эта неслучайная случайность делом моих рук? Или мыслей? Об этом я, пожалуй, умолчу. Пусть это останется видимым только мне одному мазком на холсте моей памяти. И моей совести. Я и так слишком разоткровенничался и обнажился – пожалуй,

стоит прикрыть некоторые особенно... интимные, что ли?.. эпизоды. Тем более, что эти подробности не влияют на внешний облик сюжета моего повествования. Зато могут кое-что «выболтать» о моём внутреннем моральном облике, что я считаю излишним в контексте этой истории. Ведь она совсем не о моём моральном облике и вообще не обо мне. А о более абстрактных понятиях. Или, по крайней мере, менее конкретных, чем я. Или более метафизических. В общем, скажу так: моя причастность к данному эпизоду с рассыпавшимся на осколки платьем была не более преступной и предосудительной, чем моё участие в происшествии с мальчиком, выронившим зеркальце. И этого достаточно – большего я сообщать не считаю нужным и не собираюсь.

И суть, опять же, не в причастности или сопричастности, не в участии или соучастии. А суть и смысл – в конечной точке этого пути: венце всех этих изысканий, так сказать. Сначала, когда мои находки были чистейшей и беспрекословной случайностью, я не имел ни малейшего представления, что именно увенчает всё это: какой действие или событие. Но по мере того, как со мной стали происходить описанные выше метаморфозы, превратившие меня со временем в творца тех самых неслучайных случайностей, меня начало настигать осознание, понимание и ощущение образа этого метафорического венца. И вот сейчас, когда я стою перед тщательно, кропотливо и (отбросим излишнюю скромность) искусно собранным мною из чуждых друг другу осколков зеркальным полотном, я сопоставляю зримую реальность с реальностью, которую моё воображение лелеяло всё это время. И пытаюсь найти точки соприкосновения. Но взгляд, ослеплённый миллионами бликов, не видит ничего – даже границ-стыков между осколками: всё сливается в единую слепяще-блестящую безупречную гладь. Без трещин и неровностей. От созерцания такой безупречности можно сойти с ума. И как можно в неё поверить? Как? Ведь ещё несколько часов назад на её месте была бесформенная груда стекла. А теперь это единое полотно, это почти произведение искусства. Хотя почему «почти»? Ведь искусство – это и есть осколки жизни, собранные воедино художником – разве нет? Как их собрать воедино, как «склеить» общей идеей, чтобы они снова не

разлетелись по миру – в этом заключается основная и, пожалуй, единственная задача и художника, и искусства в целом.

Вот я стою перед своим творением. Но пока это только бездушное обещание будущего шедевра. Чтобы оживить его, я должен сделать только одно: заглянуть в его недра и отразиться в нём. Такое простое, казалось бы, действие. И понятное. И вот взгляд мой уже скользит по берегу зеркального озера, всё ещё не решаясь в него нырнуть. А когда всё-таки решается... Брызги, бесконечное количество острых-острых, невыносимо острых брызг взметаются вверх, но я всё-таки успеваю разглядеть в них разбитого на фрагменты себя, а потом они осыпаются серебристо-прозрачным дождём на меня, и стекают по мне струями зеркальной воды, которые вскоре собираются у моих ног в зеркальные лужицы.